

10. Gladstone, W. E., Our colonies, in Bristol Selected Pamphlets, JSTOR. <http://www.jstor.org/discover/10.2307/60230750?sid=21105474762333&uid=4&uid=2> (Accessed September 6, 2009).

11. Pearce, R., The Results of the Crimean War, History Review, 2011, no. 70, pp. 27–33.

12. Osborne, L., Ministry of Silly Wars, World Affairs, 2010, vol. 173, no. 1, pp. 6–16.

В. Б. Храмов*

ЛЮДИ «БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ» КАК РУССКИЕ БРИТАНЦЫ

В статье в связи с осмыслением истории «Черноморской береговой линии» проанализированы обстоятельства, способствующие формированию сходных психологических характеристик у представителей разных народов.

Ключевые слова: «Черноморская береговая линия», британский тип личности, «само-сделанный человек», культурная специфика России.

Вечерний звонок – приглашение на конференцию о британских влияниях на Юге России воспринял с некоторым ироническим удивлением как подражание модным трендам науки западной. Там зачастую всякая мелочь несущественная изучается, ибо там все существенное уже изучено-переизучено и все уже решено, все мнения высказаны, аргументы «за и против» проанализированы – и спорить не о чем уже. Поэтому можно поизучать вопрос о русских во «дворе короля Артура». Таких, скажут нам, не было, но это нужно проверить, доказать, ибо отрицательный результат – тоже ... научный результат. У нас же наука гуманитарная – по причинам историческим – всегда «только начинается». В свое время А. С. Хомяков сказал о науке нашей – «вся она поместится в заднем кармане немецкого профессора». Правда, как только сказал, С. М. Соловьев написал свои 27 томов по истории России, которые вряд ли в кармане поместятся. Но все же прав во многом Хомяков. Историческая наука у нас слишком с политикой связана. Революция случилась и опять гуманитарная наука карманную форму приобрела – в сталинском учебнике по истории ВКП(б) поместясь. Сейчас опять оживилась, разрослась на свободе, но еще очень далеко до «немецкого профессора» ей – слишком много вопросов се-

* ХРАМОВ Валерий Борисович, доктор философских наук, профессор кафедры философии и политологии Краснодарского государственного университета культуры и искусств, г. Краснодар, Россия. Электронная почта: chram54@mail.ru.

рвезных остаются без ответов, пустоты исторические зияют, лишь бегло осмыслены огромные фрагменты культурно-исторического пространства. И вопрос о британских влияниях на кубанскую культуру виделся мне в числе не самых актуальных и научно значимых.

Но вопрос поставлен, конференция объявлена, ничего не сделаешь – не отменишь, поэтому тему статьи будущей назвал, улыбнувшись в трубку, – «Леди Макбет кубанского войска», потом, подумав чуть, добавил через «или» – «Люди береговой линии как русские британцы», выбирайте, а лучше печатайте обе».

Но сознание странно устроено, стоило озвучить тему и статьи в общих чертах, как «предчувствие идеи», выстроились. Значит, отметил с удивлением, есть что-то британское в нашем казачьем краю, раз так быстро и легко получается. Когда же подробнее статьи разрабатывать стал, еще одно обстоятельство изумило – сходство судеб героев, столь отличных. «Леди» упомянутая – казачка несчастная, любимым покинутая, с мамашей ее загулявшим, с тещей, точнее. «Леди» на преступление пошла страшное – убила и любимого и маму. Осуждена была на смерть по закону, но прощена за талант, ибо горе и преступления свои в песнях высказала замечательных, в катарсическую форму воплотила, легендой стала, мелодией песни украинской, которая в сердце казака звучала, когда он на Кубань пришел, Запорожье покинув, когда прощался с родными, в поход уходя, когда умирал от ран в краю далеком... Люди «линии береговой» другие совсем – офицеры флотские, «белая кость». Каждодневный подвиг свершали, отечеству служба. Тут нет ни преступления, ни соплей раскаяния, тут благородство достойно прожитой жизни и гибели героической во время Крымской войны. Но по последствиям культурным сходными они оказались с «леди» нашей. Прижизненная легенда о них сложилась, и историческое забытие быстрое постигло. Вопрос напрашивается – почему? Но рано даже ставить его – для будущего вопрос. Сначала предварительные сведения-факты изложены и осмыслены должны быть. Поэтому вернемся к теме.

Так называемая Черноморская береговая линия была создана в 30-е гг. XIX в., состояла из укреплений, возведенных на землях враждебных России горцев, и тянулась вдоль моря от Анапы до Закавказья. Эти маленькие укрепления, имевшие целью отрезать горцев от Турции, находились в вечной блокаде. По суше между ними не было никаких сообщений, и они связывались между собою только судами Черноморского флота и так

называемой казачьей гребной флотилией. Черноморский флот находился в вечном крейсерстве у берегов Кавказа, перехватывая турецкие суда, привозившие черкесам разные необходимые для них товары, особенно военные, а с Кавказа увозившие рабов – по преимуществу женщин для турецких гаремов. Люди «береговой линии» – военные, гражданские, женщины, дети – жили в постоянном враждебном окружении черкесов в трудах и военных опасностях. Особое место среди них занимали отважные моряки черноморских парусников, которые в борьбе с врагами и со стихией дело делали, характер оттачивая.

О героике их жизни, ужасах постоянного крейсерства легенды остались – британские по духу своему, – но, что важно, не заимствованные, а самой жизнью рожденные. Приведу те, что запомнились.

Легенда о двух братьях: «Однажды жестокий шторм захватил смерчем два баркаса, которыми командовали родные братья. Один вышел из передраги благополучно, но другой был затоплен бушующими волнами и пошел ко дну. Экипаж весь погиб на глазах своих товарищей. Командир спасшегося баркаса слышал отчаянный крик: «Брат, спаси!». Но напрасно. Немыслимо было оказать никакой помощи... Этот предсмертный крик, доносившийся из водяной мглы сквозь рев ветра, не смолкал уже никогда в ушах спасшегося. Он был так потрясен, что сошел с ума и постоянно слышал бесплодный призыв гибнущего брата».

Легенда о трагедии, случившейся на флотском соревновании: «Никто не запомнил ни имен капитанов, ни названия шхун, на одной из которых разыгралась трагедия, и примером-образцом служащая страстной влюбленности тогдашних моряков в свое судно, и катарсисом. Обе шхуны считались лучшими ходоками флота - самыми быстрыми. И вот однажды в Геленджике их капитаны заспорили на пари, кто кого обгонит в море. Событие сенсационное. Все население крепости высыпало на берег, когда обе шхуны выходили из бухты. Некоторое время они соперничали в быстроте и искусном маневрировании, но потом одна стала обгонять. Капитан отставшей делал сначала все усилия поправить неудачу, а потом, убедившись в бесплодности этого, сбегал в каюту и перерезал себе горло бритвой - не в силах был пережить позора любимой шхуны».

Легенда о капитане-исследователе: «Капитан Новицкий принадлежал к лучшим людям «береговой линии», способным заинтересоваться делом и служить ему. Он самостоятельно со-

вершил исследование никому неизвестных земель натухайцев и шапсугов. Он выучился адыгейскому языку и, подружившись с одним горцем, объехал с ним самые недоступные тогда горы, населенные враждебными России племенами. Он осмотрел все дороги, посетил множество аулов, познакомился с людьми наиболее опасными для России и с такими, из которых можно было извлечь какую-нибудь выгоду для нее. Доклад его, сохранившийся в архиве, удивил тонкостью изучения местности, которая стала хорошо всем известна после покорения Западного Кавказа, – Новицкий не упустил из виду ни одного аула, тропинки, поворота ущелья...».

Легенду о генерале Вельяминове предварим маленькой исторической справкой. По инициативе генерала «береговая линия» была организована. Он не побоялся воспротивиться императору Николаю Павловичу, от гнева которого многие весьма не робкие люди в обморок падали. А дело так было:

«При составлении плана военных действий Император лично прислал Вельяминову приказ расположить движение войск в указанном высочайше порядке. Находя этот порядок совершенно ошибочным, Вельяминов письменно ответил Николаю Павловичу, что Государь волен казнить его, но он не станет исполнять его приказа, а начнет действовать совершенно иначе. Он изложил императору свой план. Успех увенчал действия Вельяминова, а Николай Павлович, осознав ошибку свою, не только не рассердился, но горячо и прилюдно благодарил непослушного генерала».

Легенды, приведенные выше, взяты из книги «непосредственного участника событий» – Льва Тихомирова [2, с. 19–214]. Трудно не заметить, что они воспроизводят эпизоды, близкие тем, что известны нам из британской истории и литературы (точнее – Великобританской). Каково же сознание национальное, сюжеты подобные в жизни и литературе производящее? Какова специфика британского национального характера?

Культурологи, осуществляя сравнительное исследование разных национальных культур, выявляя специфику каждой, исходят из гуманистической установки (которая, нужно признать, подтверждена долгой историей исследований), согласно которой все народы равны по задаткам психологическим. Иными словами – у каждого народа есть весь набор способностей-дарований, но что-то - по ряду причин - развито лучше, а что-то в тень ушло. Развитые национальные способности в жизни проявились ярко, в культуре запечатлелись неповторимо – зна-

чительно и общечеловечно. Другие же – пока своего часа ждут, скрываются до времени, но в исторической изменчивости проявиться могут творчески, «в ответ на вызов», как А. Тойнби писал, географический фактор подчеркивая.

Какой же психологический, культурный тип, сформировался в Британии, на острове? За ответом обратимся к источникам. Г. Д. Гачев – культуролог, посвятивший вопросу многотомное исследование, – о нем формулирует коротко: «само-сделанный человек» [1, с. 151–178]. Народы, живущие на островах, как и «люди гор» – горцы, ценят больше всего свободу, как еще Монтескье определил (в «Духе законов»). Готовность сражаться за свободу, умереть за нее, сближает эти народы. Но, для чего им свобода? Ответ на этот вопрос позволяет выявить культурные различия между народами вышеназванными. Если его задать англичанину, то он скажет – «для того, чтобы без руководства воспитательного, а самостоятельно, только перед самим собою ответственюя, сделаться человеком достойным, благородным, джентльменом – то есть». Это и есть идеал британца. И еще нельзя упускать фактор специфически островной, британский – море. Когда Гачев попытался определиться с символом графическим культуры Британии, то нарисовал лодку с мачтой [1, с. 151–178]. Лодка – сама Британия, а мачта – человек само-сделанный, джентльмен, британец. Парус тоже хорошо символизирует характер его – бурю ищет, чтобы побороться со стихией, себя испытать, волю закалить, как у Лермонтова, почти.

Но, что забывать нельзя, народ вещь сложная, особенно когда он состоялся уже, обозначившись в культуре общечеловеческой, когда цивилизацию оригинальную создал, когда личности стал воспроизводить, индивидуальность свою проявляющие ярко. И сумма дарований (чаще, к сожалению, – просто психических характеристик) представлена в деятельности каждого человека, народ составляющего, весьма своеобразно. Таким образом, единый народ суть многообразие личностей своеобразных. Поэтому характерные черты народа, его типичский образ и культурный идеал – вещь во многом статистическая, то есть, у большинства присутствующая (в качестве идеала, основной интенции жизненной и проч.). Это большинство в той или иной форме и степени участвует в творчестве, в создании и развитии культуры национальной, а психика его в жизнь укореняется, которая, в свою очередь, социализирует людей, воспитывает, все более и более укрепляя господствующие национальные культурные характеристики. Так сформировались

специфические характеристики русских и англичан, во многом отличные, хотя, конечно, не во всем.

В контексте проблемы существенным видится также вопрос о роли государства в деле формирования специфического национального характера. Государство стремится всех подровнять, одинаковыми сделать, подогнать под «единый государственный (национальный) стандарт» – такова природа его. Всегда это было, к сожалению. Правда, сейчас многие понимают, что данная интенция к уравниванию является проявлением исконного зла государственного, «первородного греха» его, но некоторые по-прежнему считают зло это «необходимым». Неправильно считают, ибо, когда всех подровняли, то управлять, конечно, легче и порядка больше, но творчество, жизнь изменяющее в лучшую сторону, почти замирает, лишь на верхушке пирамиды государственной сконцентрировавшись. Отсюда беды многие проистекают, в частности, возникает сопротивление государству со стороны людей творческих и к свободе стремящихся. Борьба с государством их от серьезной культурной работы отвлекает, и жизнь разрушает (впрочем, это уже проблема другая и тоже серьезная, отдельной статьи требующая).

Правда, в России, несмотря на исторически сложившуюся традицию сильного государства, осуществление идеи государственной унификации всегда было делом весьма затруднительным, в силу территории огромной («убегу! – от всех, от себя тоже убегу!»), огромной и разнообразной – лес, степь, море, горы, жара холод и проч. Ее заселяют разные народы, которые приспособились к конкретному «кормящему ландшафту», культурой своей с ним сроднившись. Начнешь ровнять государственно, развалится эта связь органическая, «разбегутся», обезлюдит земля. Поэтому ровнять государству хочется, но невыполнимость задачи сдерживает, здравый смысл тоже, ибо понимают чиновники-управленцы – «здесь другие люди нужны», здесь «аршин общий» не подходит, начнешь всех под стандарт единый подгонять, дело империи пострадает, а для политика в России главное – империя, ее интерес.

Показательным в этом смысле является упомянутый выше поступок царя Николая I, посетившего «береговую линию». Эпизод в свое время «всем известный», знаменитый даже, но забытый по ряду причин исторического свойства: «береговая линия» исчезла за ненадобностью, отношение к Николаю сложилось негативное – «тиран, декабристов повесил» и проч., поэтому все хорошее стерлось из памяти, легенда ушла, забылась.

В Петербурге царь действительно тиранствовал. Когда отставной военный П. Я. Чаадаев, не обязанный никому служебными обязанностями, «посмел» опубликовать «без дозволения» мысли свои, уже известные многим, то быстрая и жестокая расплата его постигла: «философа сумасшедшим признали по распоряжению властителя». А вот тут, на Кавказе, службисты – т. е., подчиненные по определению и воспитанию – свободно и дерзко царю возражают по делу важнейшему, военному. Но, как мы видели, реакция царя другая. Другой Николай? Изменился со временем, исправился? Нет, время событий как раз совпадает – тут другие обстоятельства, место другое и люди другие, что царь учитывал, несомненно. Действительно, ведь не из баловства царю возражал дерзко Вельяминов, не для восхищения салонных дамочек, а делу служа, жизнью рискуя, – другие люди, другая жизнь, поэтому и царь другой.

Возвращаясь к теме, поставим вопрос конкретно, есть ли в Британии люди, напоминающие русских, т. е., близкие им по духу? – конечно есть. А. С. Хомяков, в свое время, пристально вглядываясь в англичан, обнаружил много сходств. Правда, для Алексея Степановича религиозный аспект всегда на первом месте был. Тут – в сфере религии – он увидел много общего, надеясь на развитие интереса британцев к православию. Но, как философ он широко проблему оглядывал, и русское начало в культуре английской усмотрел и оценил соответственно – высоко. Даже гипотезу высказал, сфантазив слегка, дескать, англичане принадлежат к славянскому племени – «углы», в углу Европы расположились.

Тот же вопрос к русским отнесем: были ли в России люди, которые, перефразируя Достоевского, «уже от рождения британцы»? Конечно же, – были. Англомания ведь в России не случайно возникает. Граф Воронцов –наместник на Юге России тех лет – англومانом был. Когда Крымская война началась, демонстративно ушел в отставку. Английский клуб процветал в первопрестольной, существуя для рискованных игр-соревнований, для болтовни свободной, демократической, как в Гайд-парке лондонском. Хотя и не все так просто здесь, ибо англомания иногда в знак протеста в русле русского западничества возникает, как некое проявление культуры нашей, как протест интеллигенции, против сильного государства выступающей. Но подражательность (особенно демонстративная) культуру двигает слабо, лишь к полемической борьбе стимулируя, болезненность партийных свар провоцируя. Западничество, как и патриотизм

впрочем, хороши тогда, когда творчески себя проявляют, иначе – «смердяковщина», «последнее прибежище негодяев» и проч.

Но люди с психологическими характеристиками, близкими британским, возникали в России и без англomanии, без западного почтения, как это на «береговой линии» произошло. Культура России сформировалась как сложное многомерное образование, «многонародной личностью» (термин Л. П. Карсавина) созданное, в уникальной по разнообразию географической среде. Народ русский, культура его, образовались вдали от гор Кавказских и Черного моря, и лишь потом, повинувшись историческим обстоятельствам (необходимым, как считают некоторые), к морю он вышел государственно. Новые жизненные реалии других людей востребовали, привлекли тех, в ком соответствующие интенции проявлялись, кому скучно было служить в Петербурге, в близости от начальства, и развили у них «потенциально присутствующие качества», существующие, но еще не развитые. Чтобы географического детерминизма избежать, уточню – личность сама себя экзистенциально выстраивать стала, в новых обстоятельствах, на Кавказе, на «береговой линии». По многочисленным свидетельствам, тут действительно сам делал себя человек: сам приехал служить, выбрав жизнь героическую, сам дом-семью создавал. Люди «береговой линии» служили свободно – не по приказу. Они полюбили Кавказ, привязались к нему родственно, творя тут особую, новую русскую жизнь, творя свою судьбу, характер выковывая. (Чтобы картинка не выглядела идеализированной, добавлю – некоторые, «провинившиеся» и сосланные на Кавказ имели возможность заново жизнь построить, переписать судьбу свою – и переписывали!).

И тут много родственного с классическим британцем обнаружилось у представителя «береговой линии» – сформировались у русского человека черты особенные, к британскому типу-идеалу приближенные. Он стал, служа имперской идее на Кавказе, «британцем по психологическому типу», но остался патриотом России. Патриотизм этот творчески себя в Крымской войне осуществил, особенно в эпизоде знаменитом, когда ради дела, капитаны парусников, сроднившиеся с судами, не мыслящие свою жизнь вне кораблей своих, пошли, повинувшись обстоятельствам, на добровольное затопление их, продолжив свое служение отечеству на суше, защищая Севастополь от армии союзников, в которой «первую скрипку» играли, конечно, англичане – британцы, точнее.

Итак, «береговая линия» в 1854 г. была уничтожена: крепости разрушены артиллерией союзников и разграблены. После войны ее не восстановили – по ненужности. Парусный флот ушел в прошлое, стал мероприятием больше воспитательного и развлекательного характера, спортивным. Офицеры и матросы парусников в своем большинстве героически сражались и погибли в Крымскую войну, оставив после себя легенду, которая для культуры важнее, чем исторический факт. Легенда в традиции героического флотского служения «растворилась», которая, в свою очередь, поспособствовала формированию новых особых людей – моряков-черноморцев, продолживших героическое дело «береговой линии» и Севастополя уже в другое, советское время.

Использованная литература:

1. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Эксмо, 2008.
2. Тихомиров Л. А. Тени прошлого. М.: Москва, 2000.

**THE PEOPLES OF “BLACK SEA SHORE LINE”
AS RUSSIAN BRITONS**

KHRAMOV Valery B. - Ph.D. (Theory and History of Culture), Prof., Department of Philosophy and Political Science, Krasnodar State University of Culture and Arts, Krasnodar, Russia.

E-mail: chram54@mail.ru.

The circumstances, which promoting to form similar cultural characteristics of different people, are analyzing with the help of giving a meaning of the history of “Black Sea shore line”.

Key words: “Black sea shore line”, the British type of person, “self-made man”, the specific Russian culture

References:

1. Gachev, G. D., Mental'nosti narodov mira (Mentalities of the Peoples of the World), Moscow: Eksmo, 2008.
2. Tikhomirov, L. A., Teni proshlogo (Shadows of the Past), Moscow: Moskva, 2000.